

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А.

1815. № V.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА.

I.

Б И О Г Р А Ф И Я

Графа Павла Ивановича Ягушинскаго,
Генералъ Аншефа, Генералъ-Прокурора, Оберъ-
Шталмейстера, Кабинетъ-Министра и Кон-
ной Лейбевардіи Подполковника. *)

Графъ Павелъ Ивановичъ *Ягушинскій* ро-
дился 1683 года въ Польшѣ, откуда роди-
тель его Иоганъ *Ягушинскій* **) выѣхалъ въ
Россію съ женою, дѣтьми ***) , брашомъ и
племянникомъ своимъ 1687 года, въ царство-
ваніе Великихъ Государей Царей и Вели-

---

*) Изъ новой книги, о которой см. ниже подъ
№ II.

**) Сей Иоганъ *Ягушинскій* вызванъ былъ для
Московской Лютеранской кирхи иностранцами,
пребывавшими въ Москвѣ, и въ челобитной ихъ
о пропускѣ его въ Россію, названъ онъ *школь-
нымъ мастеромъ*. 1692 года Иоганъ *Ягушинскій*
все еще находился при Лютеранской Москов-
ской киркѣ; потомъ вступилъ въ военную служ-
бу, и 1713 года, въ Ноябрь мѣсяцѣ, уволенъ въ
ошеставку Маіоромъ.

***) Родной брашъ Павла Ивановича *Ягушинскаго*
былъ Полковникомъ въ Россійской службѣ, и
умеръ въ Москвѣ, въ Юль мѣсяцѣ 1722 года.

кихъ Князей Иоанна и Петра Алексеевичей и Великой Княжны Софьи Алексеевны.

Государь Петръ I увидѣлъ нечаянно въ 1701 году Павла Ивановича, и, примѣшивъ въ немъ чрезвычайную оспрошу и проворство, взялъ его къ Себѣ. Ягушинскому было тогда осмнадцать лѣтъ *). Онъ определенъ попомъ Государемъ въ гвардію, и дослужился до офицерскаго чина, снискивая при всякомъ случаѣ Монаршую милость и довѣренность. Наконецъ Петръ I пожаловалъ *Ягушинскаго* своимъ деньщикомъ **), должность важная по тому времени, ибо оно не только давалось однимъ дворянамъ, но еще открывало вѣрнѣйшій путь къ будущему ихъ возвышенію.

---

*) 1706 года, 9 Іюля, въ данной Грамотѣ иноземцу Павлу Ягушинскому на вѣчное владѣніе оспровомъ, находящимся въ Москвѣ у Яузы рѣки, противъ Нѣмецкой слободы, упомянуто, что онъ Павелъ Ягушинскій жилъ въ Москвѣ уже тогда при дворѣ Его Величества, и пожалованъ шѣмъ оспровомъ за его вѣрную службу.

**) Государь поручалъ обыкновенно деньщикамъ своимъ важныя должности, особливо касательнаго развѣдыванія о поступкахъ Генераль-Губернаторовъ, Губернаторовъ и другихъ знатныхъ чиновниковъ. Они, подобно курьерамъ, разъѣзжали повсюду, и на вѣрность ихъ Петръ Великій особенно полагался.

Здѣсь приведу одинъ анекдотъ изъ *Голубкова о Ягужинсколѣ*, по которому чинашель въ состояніи будешь судишь о погдаиней привязанности къ нему и опличной любви Петра Великаго. — „Въ одно время Государь сказалъ любимому деньщику Своему, Павлу Ивановичу *Ягужинскому*: *хотѣшь ли, Ягужинскій, полутитѣ нынѣшчій день знатный подарокѣ?* — Кипобъ его не хотѣлъ? ошвѣнснвовалъ *Ягужинскій*. — Такѣ слушай же: старикѣ Релникѣ *) нынѣ не домогаетѣ; лозжай къ нему, и слриси отѣ Меня о здоровѣ; но чинѣи чгодитѣ старичной его Боярской цетности: оставъ лошадѣ у воротѣ, и взойди на дворѣ лѣшій и безѣ шлялы; вели о себѣ доложатѣ, что ты прислаѣ отѣ Государя слроситѣ о здоровѣ Его Сіятельства. Тебя будутѣ лроситѣ къ нему; но ты скажи, что недостойнѣ увидѣтъ отей его Боярскихѣ, и не прежде войди, какѣ ло двукратному

---

*) Ближній Бояринъ Князь Иванъ Борисовичъ Релникѣ, начальникъ Сибирскаго приказа. Сей мужъ почтенный знаменитостію рода, заслугами и сшаростію, не шераѣлъ нововводимыхъ обычаевъ, и не приняѣлъ ошѣ Петра Великаго никакихъ чиновъ иносшранныхъ, предпочишая имѣ шило ближняго Боярина.

звѣ, а войдя, съ раболѣпнымъ видомъ ставши у дверей, поклонись ему обѣ руки, и естли старикъ велитъ тебѣ сѣсть, отнюдь не садись, говоря, что ты недостойно толикой гести, и Я увѣряю, что не отлучитъ онъ тебя съ лустыли руками. —

„Ягѹшинскій почно поспунилъ по сему насшавленію. Князь, шронувшій шакимъ къ себѣ уваженіемъ посланца Государева, спросилъ его: пьешь ли чшо, другъ мой? — Не пью, Ваше Сіашельство, ошвѣнсшво-валь онъ съ униженносшію. — Пошомъ Релниѹ спрашивалъ Ягѹшинскаго о его льшахъ; давно ли онъ у Государя? довольно ли Его Величештво его жалуешь? и проч: — На все сіе Павелъ Ивановичъ ошвѣчалъ съ пою же униженносшію. — Старикъ хвалилъ его за все, особливо за шо, чшо онъ умѣешь починашъ людей старыхъ и заслуженныхъ. — Я не осшавлю хвалишь тебя и Государю, примолвилъ Князь. — Ягѹшинскій благодарилъ Его Сіашельство за шоликую высокую его милосшь, и чущь не въ ноги ему поклонился, изъясляя, чшо онъ во всю жизнь свою будешь хвалишься шаковымъ шаспі-

емъ; попомъ, опкланиваясь, спросилъ: что Его Сіашельство прикажеть ему донести Государю? — Донеси, другъ мой, что мнѣ, слава Богу, есть получше, и что я самъ лично благодарить буду Его Величество, что вспомнилъ меня шарика. Да побудь еще у меня, другъ мой, промолвилъ Князь *Релкивъ*, и поговоримъ чтонибудь. — Не смѣю преслушать повелѣнія Вашего Сіашельства — ошвѣтствовалъ *Ягушинскій* съ низкимъ поклономъ. — Князь, обращаясь попомъ къ дворецкому своему, стоявшему за его креслами, сказалъ ему: поди! въ шакомъ-то шкафѣ и ящикѣ лежишь мѣшечекъ съ червонными, возми и принеси его ко мнѣ. — Дворецкой пошелъ было, но Князь осшановилъ его сими словами: принеси еще поднось серебряной. — Попомъ, когда дворецкой хопѣлъ выйти изъ комнашы, Князь снова осшановилъ его, сказавъ: на попь поднось посшавъ кубокъ вызолоченной съ крышкою, высыпь въ него червонцы изъ мѣшечка, и принеси ко мнѣ. — Между шѣмъ *Ягушинскій* усугублялъ свои учшивосши и униженносшь. Тронущый симъ еще болѣе

сшарикъ, велѣлъ снова кликнушь къ себѣ дворецкаго, и сказалъ ему: да пошавъ на тошь же поднось еще чару золошую. — Все сіе принесено было къ Князю, и онъ, взявъ въ свои руки вышепомянушый, поддержи- ваемый дворецкимъ, поднось, подозвалъ къ своимъ кресламъ *Яцшинскаго*, коему ошда- вая оный, сказалъ: за шо, чшо ты шакъ уменъ, возьми сіе себѣ, другъ мой, и съ мо- ей руки разживайся; да не осшавляй и впредь почишашъ людей знатныхъ, старыхъ и за- служенныхъ; шогда и Богъ и Царь шебя не осшавишь. — *Яцшинскій* съ низкими покло- нами ошговаривался онъ приняшя сего по- дарка, изъясняясь, чшо Его Сіашельство приводитъ его шоль неслышанною милосшію въ замѣшательство, и онъ боишся и Его Сіашельство прогнѣвишь ошказомъ, и Го- сударя приняшиемъ шоль великаго и неза- служеннаго имъ подарка. — Возьми, возьми, другъ мой — возразилъ *Релникъ* — и не опасайся ничего; коль скорс можно будешь мнѣ выѣхашъ, шо буду у Государя и скажу, чшо я принудилъ шебя эшо взять. Право — при дозвиль Князь — Государь умѣешь вы-

бирашь людей; самъ Богъ Его Царя Госуда-
ря наславляешь.“ —

Довѣренность и любовь Монарха къ *Яку-
шинскому*, время оиъ времени возрасшавшя,
возвели его наконецъ на сшепень Генераль-
Адьюшанша*) и Дѣйсшвишельнаго Камергера.
Сие случилось около 1711 или 1712 года. Въ
слѣдующемъ году Петръ Великй ошправиль
въ Декабрь мѣсяць *Якушинскаго* въ Копен-
гагенъ, для склоненя Короля Дашскаго на
соединеніе флота его съ Россійскимъ. Ко-
роль, продержавъ *Якушинскаго* до 6 Марша
(1714 года), пошпановиль съ нимъ шого чи-
сла соглашеніе, касашельно атакованя и
разрореня общими силами Карлскроны и
флота Шведскаго. Однакожь *Фридрихъ IV*
не ушояль въ семъ договорѣ, и заключиль
въ послѣдшвин, чрезъ посредшво Англии
и Франціи, мирный шракташъ съ Швецією,
подавшй поводъ къ разрыву дружбы между
Россійскимъ и Дашскимъ дворами **).

---

*) Генераль-Адьюшаншы сосшояли шогда въ
рангѣ Полковниковъ.

**) Тракташъ сей былъ заключень въ *Фридрихс-
бургѣ* $\frac{\text{Іюня } 22}{\text{Іюля } 3}$ 1720 года.

Въ слѣдующихъ годахъ *Ягужинскій* неоднократно посыланъ былъ ошъ Государя въ Копенгагенъ съ разными порученіями; а 1716 года соупшисповалъ Петру Великому въ пушешествіи Его во Данію, Мекленбургію, Голландію, и 1717 года въ Францію. По возвращеніи изъ сего пушешествія, пожалованъ (29 Октябрю) Генераль-Маіоромъ *).

1719 года, Мая 16, *Ягужинскій* назначень былъ, вмѣстѣ съ Генераль Фельдцейгмейстеромъ *Брюсомъ* и Канцеляріи Совѣшникомъ *Остерманомъ*, Миниспромъ на Аландской конгресъ, куда и прибылъ 7 Іюня; но, какъ конгресъ сей не имѣлъ желаемаго окончанія, по происшедшему между Россійскими и Шведскими уполномоченными несогласію, то *Ягужинскій* возвратился съ онаго 6 Октябрю въ Пешербургъ.

1720 года Государь, желая возстановить съ Цесаремъ издревле сущесшвовавшую ме-

---

*) Въ томъ же 1717 году (Февраля 3), въ бышность *Ягужинскаго* въ Амстердамъ, Государь пожаловалъ ему въ Лифляндіи, въ Дерпшскомъ округѣ, Рапинскія маешности со многими мызами и деревнями. Маешности сіи проданы имъ въ 1728 году, за 54,800 рублей, Генераль-Порушчику Графу *Левенвольду*. —

жду обѣими Державами дружбу и возобновишь прерванное инспригами Ганноверскими согласіе, ошправиль для сего въ Вѣну (28 Февраля) *Ягущинскаго*, поручивъ ему также, спарашься при дворѣ Цесарскомъ и о возвращеніи Шлезвига Герцогу Голспинскому *Карлу Фридериху*.

Ягущинскій прибыль въ Вѣну 27 Апрѣля, а 4 Мая имѣль аудіенцію у Цесаря, на кошорой былъ весьма благосклонно имъ приняшь. Хотя онъ, въ бышность свою въ Вѣнѣ, и не могъ заключишь оборонительнаго съ Авспрією союза, къ кошорому Царскіе Миниспры, по причинѣ неокончанныхъ тогда на Сѣверѣ военныхъ безпокойствъ, не согласились приспуишь, однакожь послѣдствіемъ его посольства было возобновленіе дружбы между Императоромъ и Государемъ Всероссійскимъ, равно какъ и возвращеніе Голспиніи, захваченной Дашскимъ Королемъ, Герцогу *Карлу Фридериху*.

1721 года, Марша 10, *Ягущинскій* имѣль ошпускъ у Цесаря, приславшаго ему на другой день въ подарокъ поршрешъ свой. По возвращеніи въ Россію, Государь ошправиль

его (24 Августа) на конгрессъ Нейшпашской, для окончанія происшедшихъ между нашими и Шведскими Министрами споровъ, касательно поспановленія границъ. *Ягущинскій*, поспѣшая на сей конгрессъ, думала участвоваши въ заключеніи мирнаго съ Швеціею трактата; но каково было удивленіе его, когда, по прївздѣ въ Нейшпашъ, нашелъ, что договоръ былъ уже заключенъ и подписанъ еще до его прибытія. Извѣстіе сіе какъ бы громовымъ ударомъ поразило *Ягущинскаго*; оно шѣмъ было для него чувствительнѣе, что онъ не могъ жаловаться Государю на виновника таковой ему обиды. Виновникъ сему былъ *Остерманъ*, которому (какъ пишеть *Г. Манштейнъ* въ запискахъ своихъ о Россіи) Петръ I, при отправленіи его въ 1721 году на Нейшпашской конгрессъ, нарѣдко подтвердилъ требованіе уступки Выборга, однакожь не съ шѣмъ, чтобы въ противномъ случаѣ рушитиь вовсе переговоры. *Остерманъ*, зная, сколь нужно было удержати сіе мѣсто, продолжалъ представляти о томъ во всѣхъ своихъ реляціяхъ, увѣряя, что онъ жизнию своею ошвѣчаетъ,

естѣли Шведы, доведенные до крайности, на что не согласяшся. Однакожь со всемъ шѣмъ, вѣдая мысли своего Государя и спрашъ *Ягѹшинскаго* предсавляшъ важную особу въ совѣшъ, опасался онъ, чшобъ сей послѣдній не воспользовался нешерпѣливосцію Монарха окончишъ войну съ Шведами и не убѣдилъ бы Его, сдѣлашъ съ Своей стороны успунку Выборга, и позволишъ ему заключишъ миръ на шаковомъ основаніи. Въ сихъ обснояшельствахъ *Остерманъ* условился съ Генераломъ *Шуваловымъ*, Коменданпомъ Выборгскимъ, съ коимъ былъ онъ весьма друженъ, дабы, въ случаѣ пріѣзда *Ягѹшинскаго* въ Выборгъ, *Шуваловъ* продержалъ его у себя сколько, сколько ему будетъ возможно, а между шѣмъ чрезъ нарочнаго увѣдомилъ его пошчасъ о пріѣздѣ *Ягѹшинскаго*. Предположенія *Остермана* сбылись. *Ягѹшинскій*, будучи склоненъ къ веселію, пробылъ двое сутокъ въ Выборгѣ. Между шѣмъ *Остерманъ*, извѣсшася о всемъ ошъ *Шувалова*, воспользовался симъ временемъ, и объявилъ Шведамъ, чшо получили съ нарочнымъ повелѣніе, заключишъ въ 24 часа миръ или пре-

рвать переговоры. Хищность его имѣла совершенный успѣхъ. Шведы, приведенные въ крайность, согласились уступить Выборгъ — иπραктически тогда же заключены и подписаны. *Ягужинскій* никогда не могъ просить *Остерману* сей его поступокъ; однакожь должно ему отдать въ шомъ справедливостъ, что онъ, хотя по наружности, жилъ съ нимъ всегда довольно согласно.

1722 года, Января 8, Государь пожаловалъ *Ягужинскаго* Генераль-Прокуроромъ *), и передъ отъѣздомъ Своимъ въ Астрахань прибывъ съ нимъ (въ Маѣ мѣсяцъ) въ Сенатъ, сказалъ присутствовавшимъ тогда Сенаторамъ *), представляя имъ *Ягужинскаго*: „*Вотъ мое око, коимъ я буду все видѣть. Онъ знаетъ Мои намеренія и желанія. — Что*

---

*) *Ягужинскій* былъ первый Генераль-Прокуроръ въ Сенатѣ. —

***) Сенаторы сии были: Генераль-Фельдмаршалъ Князь *Меньшиковъ*, Генераль-Адмираль Графъ *Апраксинъ*, Великій Канцлеръ Графъ *Головкинъ*, Вице-Канцлеръ Баронъ *Шафировъ*, Камеръ-Коллегіи Президентъ Князь *Дмитрій Михайловичъ Голицынъ*, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Пешръ *Андреевичъ Толстой*, Маіоры гвардіи: Андрей Ивановичъ *Ушаковъ* и Князь *Юсуповъ*.

онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте; а хотя бы вамъ показалось, что онъ лоступляетъ противно Моиъ и Государственныиъ выгодамъ, вы однакожъ то исполняйте, и увѣдоливъ Меня о томъ, ожидайте Моего повелѣнiя.“

Такова была должность, возложенная въ то время Монархомъ на Ягущинскаго! Таково было довѣрiе Государя къ подданному Своему! —

Не могу умолчать здѣсь объ одномъ анекдотѣ, повѣшваемомъ Господиномъ Штелиномъ въ любопытныхъ и доспопамятныхъ сказанiяхъ его о Императорѣ Петрѣ Великомъ. Государь, засѣдая однажды въ Сенатѣ, и слушая дѣла о различныхъ воровствахъ, за нѣсколько дней до того случившихся, въ гнѣвъ Своемъ клялся пресѣчь оныя и пошчасъ сказала тогдашнему Генералъ Прокурору Павлу Ивановичу Ягущинскому: — Сей гасъ налиши отъ Моего и мени указъ во все Государство такого содержанiя: что если кто и на столько украдетъ, что можно кулитъ веревку, тотъ безъ дальняго слѣдствiя повѣшенъ будетъ. — Генералъ - Прокуроръ,

выслушавъ сіе строгое повелѣніе, взялся было уже за перо, но нѣсколько поудержавшись, ошвѣщивоваль Монарху: „Подумайше, Ване Величешво, какія слѣдствія будешъ имѣшь такой Указъ?“ — *Пиши* — прерваль Государь! — *это Я тебѣ приказалъ.* — *Ясущинскій* все еще не писалъ, и наконецъ съ улыбкою сказала Монарху: „Всемилошпивѣйшій Государь! неужели Ты хочешъ ошпанься Имперашоромъ (одинъ безъ служившей и подданныхъ? Вся мы воруетъ, съ шѣмъ шолько различіемъ, что одинъ болше и примѣшнѣе, нежели другой.“ — Государь, погруженный въ мысли, услышавъ такой забавный ошвѣщъ, разсмѣялся и замолчалъ *). —

(Оконтаніе впередъ.)

*) Анекдотъ сей сообщень Господину *Штелину* самимъ Графомъ *Ясущинскимъ*.

II.

ИЗВѢСТІЕ О КНИГѢ:

Дѣянія знаменитыхъ Полководцевъ и Министровъ, служившихъ въ царствованіе Государя Императора Петра Великаго, съ портретами ихъ. Москва 1812 и 1813. въ шип. Н. С. Всеволожскаго. Двѣ часши въ 8. въ первой часши 290, во второй 362 стр. *)

Военныя происшествія виною, что книга сія появилась въ свѣтъ непрежде исхода прошлаго года. Упомянувъ о ней крашко въ *Обозрѣніи Руской Литературы* 1814 года, долгомъ поснаваляемъ нынѣ сообщить о ней подробное извѣстіе читателямъ нашимъ. Не нужно распространяться о томъ, сколь пріятно у насъ появленіе книгъ сего рода. Всякое сочиненіе, написанное съ желаніемъ принести пользу *отечественной Исторіи*, должно быть хорошо принято ея любителями, особенно,

---

*) Продается въ книжной лавкѣ В. Пасилъщикова подъ № 28 въ домѣ Г. Балабина, подлѣ Императорской Библиошеки по 20 р. экз. въ бумажкѣ, а съ пересылкою по 22 р.

еслили оно написано человекомъ, имѣющимъ пошребныя для шото средсва и пособія.

Въ сей книгѣ заключающяся біографіи: *Лефорта, Графа Ѡ. А. Головкина, Графа Б. П. Шереметева, Князя Ѡ. Ю. Ромодановскаго, Графа Ѡ. М. Алраксина. Князя А. Д. Мещикова, Графа Г. И. Головкина, Князя А. И. Релликина, Князя М. М. Голицына, Г. Д. Брюса, Князя Я. Ѡ. Долгорукова, Князя Б. И. Куракина, Князя В. В. Долгорукова, Графа П. А. Толстаго, Барона П. П. Шафирова, Графа П. И. Ягужинскаго, И. И. Бутурлина, Графа А. И. Остермана, Графа А. И. Румянцова, Графа Г. П. Чернышева, и А. И. Ушакова.* Донынѣ изданы были въ свѣсь дѣянія *Лефорта, Шереметева, Долгорукова (Я. Ѡ.) и Мещикова.* Сочинитель сей книги *) руководствовался первыми шремя; но біографіи *Мещикова* и другихъ 17 вельможъ собраны имъ изъ подлинныхъ дѣлъ, разныхъ рукописей и книгъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Государшвенной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, какъ шо: 1) изъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ разными Европейскими и

---

*) Д. Н. Банпышъ-Каменскій.

Азіашскими дворами; 2.) изъ дѣлъ историческихъ и церемоніальныхъ; 3) изъ жалованныхъ грамашь на деревни и разныя дошпоинсшва; 4) изъ дѣлъ верховнаго Тайнаго Совѣша и бывшаго Кабинеша; 5) изъ рукописной книги, содержащей переписку бывшихъ въ Россіи Англійскихъ Миниспровъ съ 1740 по 1748 годъ; 6) изъ записокъ покойнаго Исторіографа *Миллера*; 7) изъ Магазина *Бишингова*; 8) изъ записокъ *Манштейна*; 9) изъ дѣяній Петра Великаго, изданныхъ *Г. Голковымъ*; 10) изъ анекдотовъ о томъ же Государь *Г. Штелина* и другихъ извѣстныхъ книгъ. — Ежедневныя записки *Г. Беркгольца*, Голштинскаго Оберъ-Каммергера, съ 1721 по 1725 годъ, въ бытность его въ Россіи, способствовали сочинителю также къ объясненію многихъ происшествій того времени. Записки сіи изданы на Нѣмецкомъ языкѣ *Г. Бишингомъ* въ Историческомъ и Географическомъ его Магазинѣ 1787 и 1788 г. *)

---

*) Изданіе оныхъ стоило ему великаго труда, ибо онъ не только нарочитѣ сократилъ ихъ, но еще принужденъ былъ исправить самую рукопись, которая большею частію писана не Беркгольцомъ, а однимъ изъ его служителей; почему и была наполнена ошиб-

Всѣ сіи біографіи писаны безпристраст-
нымъ перомъ историка, безо всѣхъ *притор-*
ныхъ восклицаній, копорымъ нѣкопорые изъ
писателей нашихъ жершвуюшъ испиною. При

ками. Бишингъ упоминаеть въ предисловіи своемъ,
что сочинилъ сихъ записокъ, Берггольцъ, писалъ
оныя не для публики, а особенно для себя, дабы при
спарости своей воспоминашь о прошедшемъ, почему
наполнялъ ихъ разными мѣлочами, упоминательными
для Чишапелей, кои и сокращены Бишингомъ. —
„Между многими Рускими книгами (пишетъ Бишингъ
въ своемъ предисловіи) въ печеніе спа лѣшь и бо-
лѣе вышедшими въ свѣтъ, нѣтъ ни одной, въ копо-
рой бы такъ точно и подробно описаны были нравы
и обычаи Россійскаго двора, дворянства, гражданъ, а
опчасши даже и просаго народа, какъ въ сихъ Берг-
гольцовыхъ запискахъ; ибо сочинилъ оныхъ нѣ-
сколькo лѣтъ сряду наблюдалъ вблизи дѣла какъ
царедворцевъ, такъ равно и людей, ошдаленныхъ отъ
двора. Сіи записки важны и пошому, что въ нихъ
происшествія шого времени изложены съ большею
досповѣрностію и подробностію, нежели у другихъ
писателей какъ-шо Вебера (Ганноверскаго Резиденша
при Россійскомъ дворѣ въ царствованіе Пешра Ве-
ликаго) и проч.; въ нихъ помѣщено болѣе анекдотовъ
о Пешрѣ Великомъ, нежели въ книгѣ, изданной Г.
Штелиномъ. Берггольцъ лучше многихъ Историковъ,
путешественниковъ и другихъ писателей знакомилъ
насъ съ Пешромъ Первымъ, Его Домомъ, съ домомъ
Августѣйшаго Брата Его Іоанна Алексѣевича,
съ Герцогомъ Голштинскимъ Карломъ Фридерихомъ,
съ Министрами и придворными сего послѣдняго“ —
Любопытная сія книга не переведена еще на Россій-
ской языкъ.

жизнеописаніяхъ Министровъ помѣщены въ сокращеніи дипломатическіе акты, ими соверщенные. Намъ надлежало бы разобрать порознь всѣ списки сей книги, последовашъ за Сочинишелемъ по швѣдской и скользкой сшезъ Историка новыхъ временъ, замѣшши погрѣшности, дополнишъ недоспашки; — но мы пишемъ не критику, а толькo *извѣстіе* о сей книгѣ, и пошому, сообщивъ нашимъ Чашашелямъ одну изъ біографій *) чшобъ познакомишъ ихъ съ слогомъ Авшора **) скажемъ, чшо всякой любитель ошечешвенной Исторіи найдетъ въ сей полезной и пріятной книгѣ удовольшвореніе своему любопытшву. Пришомъ же она напечатана исправно, прекрасными буквами, на лучшей бумагѣ. Поршрешы, сняшы съ подлинниковъ, весьма съ ними сходны, а гравировка ихъ можешъ назвашься лучшею *Московскою* работою.

*) Графа П. И. Ягшшинскаго; См. выше на стр. 173.

**) Нельзя не замѣшши, чшо слогъ могъ бы бышъ ровнѣе и правильнѣе.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭПИГРАМЫ.

I.

Смотрише, вошь Правдухъ и нраву споль честнаго,
 Чшо въкъ не скажешь онъ, хошь кажешся и лихъ,
 На свой щеть ничего дурнаго
 И добраго на щеть другихъ.

Н. П.

2.

Когдабъ Глупонъ рифмачъ хошь сошню бѣднымъ
 Тогдабъ смѣяшься ужъ надъ нимъ я пересмалъ.
 А сколько взяшь за шо, чшобъ похвалишь Глу-
 пона?

Да мало милліона!

И.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ РУСКАЯ БИБЛОГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ:

1814 ГОДА.

260 * Краткая и справедливая повѣсть о пагубныхъ Наполеона Бонапарте помыслахъ, о войнахъ его съ Гишпанією и Россією о употребленіи войскъ его и о важности нынѣшней Нѣмецкой войны. Книжка, въ утѣшеніе и наставленіе Нѣмецкому народу сочиненная. Перевелъ съ Нѣмецкаго языка Александръ Шишковъ. С. П. б. 1814 въ шип. В. Плавильщикова, въ 8. 117 стр.

(Сія книга сочинена на Нѣмецкомъ языкѣ извѣстнѣмъ писателемъ Э. М. Арндтолѣ, котораго спашьею: *Гласъ истины*, начался *Сынъ Отечества* въ 1812 году. Переводъ напечатанъ по опредѣленію Императорской Россійской Академіи.)

261 × *Сочиненія И. И. Дмитріева*. Четвертое изданіе. 3 часши. М. 1814 въ шип. Селивановскаго въ 8; въ первой часши 123, во второй 143, въ третьей 127 стр.

(Намъ обѣщано разсмотрѣніе сей книги. Между тѣмъ слышимъ извѣстїи нашихъ читателей, что она вышла. Всякой любитель сочиненій И. И. Дмитріева (а кто изъ Рускихъ не любитъ ихъ?) съ большимъ еще удовольствіемъ возьметъ въ руки сіе новое изданіе, узнавъ, что оно подало почтенному Автору случай совершить доброе дѣло. Узнавъ, что одинъ изъ нашихъ книгопродавцевъ потерялъ во время Московскаго пожара весь свой магазинъ, онъ сообщилъ ему право напечатанія своихъ твореній четвертымъ изданіемъ. Подарокъ сей немаловаженъ, потому что всѣ экземпляры прежнихъ изданій сего классическаго писателя испроблены въ Москвѣ. Вотъ, что пишеть къ намъ о семъ благодарный книгопродавецъ: „Вы приняли на себя обязанность извѣщать публику о вновь выходящихъ книгахъ и о благошвореніяхъ, оказываемыхъ сосрадательными соотечественниками разореннымъ оубъ непріятеля. Позвольте мнѣ доставить вамъ извѣстїе о напечатаніи четвертымъ изданіемъ *Сочиненій Ивана Ивановича Дмитріева*, и вмѣстѣ съ тѣмъ описать случай, по которому они напечатаны. Первымъ сдѣлаете вы большое одолженіе всѣмъ любителямъ Отечественной Словесности, съ удовольствіемъ читающимъ творенія одного изъ лучшихъ нашихъ писателей; а вторымъ доставите мнѣ случай изъяснить предъ всею публикою чувствительнѣйшую благодарность почтенному автору. Во время несчастія непріятеля въ Москву, я имѣлъ несчастіе подверг-

нушья жребію, постигнутому многихъ жителей древней столицы. Пламенемъ, пожравшимъ многочисленныя памятники ума и трудолюбія, испреблены магазинъ, мой и лавки; наполненныя значительнымъ числомъ Рускихъ книгъ, сославлявшихъ все мое имущество. Въ числѣ оныхъ были сожжены и Сочиненія Ивана Ивановича Дмишрѣва, въ 1810 году мною же напечатанныя. По первому отъ меня о семъ несчастномъ происшествіи извѣщенію почтеннаго Автора, я имѣлъ щастіе получить отъ Его Превосходительства не токмо позволеніе на изданіе сочиненій его вновь, но удостоился сверхъ того присылкою изящныхъ къ онымъ рисунковъ произведенія одного знаменитаго Любителя Художества.

Прося васъ о помѣщеніи въ изданіи вашемъ письма сего не по достоинству описанія, а по чувствамъ признательности къ благотворенію Его Превосходительства, честь имѣю пребыть и пр.

Книгопродавецъ Московскій *Осипъ Свѣшниковъ.*"

С О В Р Е М Е Н Н А Я И С Т О Р І Я и П О Л И Т И К А.

V.

О замѣчаніяхъ на письмо Англійскаго путешественника, возвратившагося изъ Италіи. *)

Сицилійцы и Неаполитанцы еще въ древности почитались неуспрашаемыми спорщиками и великими говорунами; они и понынѣ имѣють эти качества: ходатаи Королей *Фердинанда* и *Иоакима* не уроняли стѣнной славы! Сочиненія

*) Дѣло о судьбѣ Неаполя и Сициліи еще не рѣшено окончательно на конгрессѣ, любопытно видѣть доводы той и другой стороны, особливо естли они написаны съ безпристрастіемъ и скромностію. Сія замѣчанія сочинены на книжку, въ которой какой-то Англичанинъ сильно защищалъ *Иоакима*. Изд.

ненія сихъ писателей содержатъ гораздо болѣе декламаций нежели разсужденій, и прочитавъ ихъ нельзя не сказать съ Давидомъ:

. . . . Ma foi, je n'y conçois plus rien;

De monde, de cahos, j'ai la tête troublée.

Любимое оружіе сихъ господъ есть личность. — И самая могила, въ кошорой Королева *Каролина*, несчастная сестра несчастной *Mari Antonie* нашла утѣжище отъ ударовъ рока, не защищаетъ ея памяти отъ клеветы. Поборники *Иоахима Мюрата* возобновляютъ безпрестанно каршину мацевей, причиненныхъ именемъ сей Королевы, — каршину описанную самими грустными красками. Напрошивъ того ходатаи Короля Фердинанда изображаютъ важнѣйшія происшествія, въ которыхъ они обвиняютъ Генерала Мюрата, и кошорыя споль извѣстны, что ихъ неужно здѣсь повторять. — Между шѣмъ какъ особа Короля Фердинанда не довольно уважаема Неаполитанскими офиціальными писцами, въ Палермѣ также веселятся на щетъ Короля Иоакима, издавая противъ него всякаго рода сочиненія. . . . Но какое имѣютъ дѣйствіе всѣ эти анекдоты на важной вопросъ, кошорой надлежитъ рѣшить?

Между шѣмъ должно взять во уваженіе всѣя причины. Ходатаи *Иоакима Мюрата* утверждаютъ что превосходное правленіе сего *незаконнаго* Государя заслужило всѣхъ Неаполитанцевъ его любить; что онъ осыпалъ благодареніями мудраго управленія, просвѣщеннаго законодательства народъ, прешерпѣвавшій дополъ всѣ бѣдствія деспотизма, варварства и невѣжества; — однимъ словомъ, что онъ *надежда просвѣщенія для Неаполитанцевъ*, и что возвращеніе Палермскаго двора ввергнетъ эту націю опять во мракъ заблужденій и безпорядковъ, изъ кошораго она теперь вышла. Сія причина, на кошорую нашъ Англичанинъ въ письмѣ своемъ часто ссылается, не слишкомъ вѣроятна. Не осмѣлимся отрицать, чтобы прежнее правленіе Неаполя, подъ Министерствомъ Г. Аксона,

не было во многихъ отношеніяхъ ниже просвѣщенія того вѣка. Неменѣе также знаемъ и тѣ многочисленныя выгоды, которыя получило сіе Государство отъ вновь учрежденнаго порядка; знаемъ, что установленныя вновь простыя законы, правильное управленіе, приведеніе въ общую систему вѣсовъ и мѣръ, свобода земледѣлія, ободреніе торговли, поощреніе прудолжбія, поддержаніе равенства правъ, воинственныи духъ, посѣянный въ сердцахъ новообразованной арміи, представляють великое различіе между прежнимъ состояніемъ Неаполя при Министрѣ Акшонѣ и нынѣшнимъ. Но хотя всѣ сіе, по наружности и кажется дѣломъ Іоакима, однако разсмотрѣвъ оное хронологическимъ образомъ, увидимъ, что оно совсѣмъ не отъ него произошло.

Съ перваго взгляда видно, что дурное состояніе народнаго управленія въ Неаполь, въ которомъ обвиняють Короля Фердинанда и Министра Актона, относится къ годамъ, предшествовавшимъ непосредственно большой Французской, или лучше сказать, Европейской революціи. Новыя понятія объ усовершенствованіи не были ни изслѣдованы, ни испытаны; несчастной припадѣ Іосифа II и высокоуміе Французскихъ революціонистовъ удержали на короткое время самый ходъ преобразованія. Впрочемъ южная Европа вообще менѣе участвовала въ движеніи, произведенномъ желаніемъ исправить политику. И такъ нечему удивляться, что въ 1789 году прежнее Неаполитанское Правленіе занималось болѣе сохраненіемъ общественаго существованія, нежели введеніемъ того, чего требовалъ духъ тогдашняго времени.

Есильи въ послѣдствіи многія перемѣны исправили общественное и политическое состояніе Неаполя, то Неаполитанцы ни мало не обязаны этимъ Іоакиму Мурау; сіи перемѣны произошли еще во время предшественника его Іосифа Бонапарте; виновниками ихъ были Французскіе Государственныя Совѣтники, на ко-

шорыхъ возложено было образованіе Государства, и особенно Архіепископъ Тареншскій *Капеге ди Латро*, воспріявшій ужасному междоусобию между новыми и старыми установленіями. Многіе другіе Неаполитанцы, уже опличенные и уваженные Королемъ *Фердинандомъ*, содѣйствовали перемѣнѣ законодательства и управленія. Самое образованіе арміи есть дѣло Французскаго Маршала, воспользовавшагося основаніемъ, положеннымъ Швейцарскими и Германскими военачальниками. И такъ *Мюратъ* ничего не произвелъ. *Мюратъ* не искусенъ въ правленіи; *Наполеонъ*, его шурина, увѣрять насъ въ шомъ, а *Наполеонъ* умѣлъ судить о способностяхъ другихъ, хотя о своихъ не всегда умѣлъ судить вѣрно. *Мюратъ*, и въ качествѣ военнаго человѣка не шо, чѣмъ мнимой Англичанинъ хочеть его сдѣлать: онъ храброй и хорошій драгунской Полковникъ; но *Наполеонъ* не почиталъ его способнымъ командовать въ сраженіи и очень сожалѣлъ, что далъ ему слишкомъ великую власшь на походъ въ Россію. Впрочемъ въ Неаполѣ ренужно большой арміи, а надобно имѣть хорошую морскую силу, *Мюратъ* же не любитъ мореплаванія, и даже объявилъ, побуждаясь какою-то политическою лестію къ Англіи, что онъ не будетъ раздражать прежнему Неаполитанскому Правительству, коего флотъ, по его словамъ, былъ многочисленнѣе, нежели Государственныя нужды по- требовали. И такъ въ отношеніяхъ къ управленію и военному искусству Король *Іоакимъ* ни шворецъ, ни порука, ни покровитель лучшаго порядка вещей для Неаполитанскаго Королевства.

Вошь, по нашему мнѣнію, крошкія и безпристрастныя разсужденія, которыя сочинилъ замѣчаній на письмо Англичанина долженствовали бы написать прошивъ доводовъ, извлекаемыхъ ходатаями Короля *Іоакима* изъ политической выгоды Неаполитанцевъ. Но вмѣсто шото, сочинилъ замѣчаній пишеть прошивъ се.

го Короля оскорбленія, которыя хотя бы и основательны были, но вовсе не рѣшили бы вопроса.

Причина, которую мы теперь опровергли, кажется намъ не самою важною. Предположивъ даже, что Генераль *Мюратъ* самъ сдѣлалъ все то добро, которое произошло въ Неаполь, найдемъ, что онъ достоинъ опличій, достоинъ великихъ наградъ, но не имѣеть права на получение короны, принадлежащей законному Государю.

Вошь, въ чемъ состоитъ истинное существо дѣла. Равновѣсіе и спокойствіе Европы могутъ ли быть охранены простою географической раздачею земель, или должны охранявш ихъ нравственная сила, патристическія чувствованія и начала правъ и справедливости? Кажется, что одна только сія послѣдняя защита непремѣнна и непреборима. Спрашиваемъ: позволяешь ли права и нравственность похищеніе Неаполитанской короны?

Въ наследственной Монархіи власть, которую народная воля ввѣрила одной фамиліи для избѣжанія смятеній, неразлучныхъ съ выборомъ одного человека, неощемлема давностію и непремѣнна; ее невозможно законнымъ образомъ передать въ чужія руки, доколь ещѣ отрасль избранной и признанной народомъ фамиліи. Безпрерывной выборъ, народное и вѣчное желаніе призываютъ къ верховному достоинству законныхъ Государей, исключая всякаго другаго. И такъ перемѣняя силою порядокъ установленнаго наследства, и давая преимущество праву побѣды надъ правомъ наследственнымъ — значить нарушать вѣчные уставы общественнаго права. Завоеватель не имѣеть никакого естественнаго права до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ народа и прежней династіи свободнаго и дружелюбнаго согласія, которымъ обѣ стороны уничтожатъ въ его пользу безпрерывное и наследственное условіе, связующее ихъ. Наполеонъ самъ уважалъ это правило, ко-

гда старался завести переговоры съ Бурбонами. Нельзя думать, что сіе правило, привязывающее къ наследственному престолу свободу и независимость народовъ, которое осуждая самую цѣль побѣды, содержитъ въ себѣ сѣмя вѣчнаго мира, что сіе священное правило будетъ непризнано, ошвергнуто, нарушено Европою.

Ходатаи Короля Іоакима поставляютъ основаніемъ своихъ доводовъ право завоеванія. Неаполитанское Королевство, говорятъ они, было завоевано Наполеономъ, который отдалъ его *Іосифу*, а сей передалъ его *Іоакиму*, послѣдній же передалъ его мнѣ или тебѣ, любезной читатель, какъ ему заблагорассудится. Вотъ свободныя мысли, противоположныя нашему ученію о святости наследственного права! Вотъ какъ ложная философія охраняетъ свободу и независимость народовъ!

Естьли права и свобода народовъ не прогаютъ сердца въкоторыхъ политиковъ, то мы предскажемъ имъ другое послѣдствіе права завоеванія, которое, можетъ быть, будетъ въ состояніи ихъ пронуть. Естьли эгоистическое право можетъ обезпечить владѣніе одною короною, то безъ сомнѣнія, можетъ также обезпечить владѣніе двумя, тремя коронами — однимъ словомъ — владѣніе всѣмъ свѣтомъ. И такъ, признавъ я права Іоакима надъ Неаполемъ, политикъ признаетъ права Наполеона надъ Европою, и эгоистъ покинувшиеть можетъ тогда вскричать съ высоты своего ушеса: „оружіе восторжествовало надо мною, но мои правила восторжествовали въ Европѣ; сила лишила меня престолола, но подражаніе меня оправдываетъ; я умираю, испускаю послѣдній вздохъ, но завѣщаю свѣту мой духъ, мое ученіе; завѣщаю право завоеванія и непрерывную войну....“

Великодушные Монархи, освободившіе Европу, глубокомысленные дипломатики, должны

снвующіе мудроспію довершитъ дѣло побѣды, не могушь не чувствовати нужды исключити изъ Европейской системы всякой зародышь будущей революціи; но нѣкоторыя изъ нихъ зашрудняются обязашельствами съ Королемъ Іоакимомъ, къ кошорымъ обстоятельство ихъ принудили: до тѣхъ поръ скажушь они, пока сей Государь не будетъ имѣть довольно благоразумія и великодушія, чтобъ насъ развязать, мы обязаны держать свое слово.

Въ разсужденіи обязашельствъ, заключенныхъ съ Мюратомъ, предсавляется рѣшеніе основанное на народномъ правѣ. Конгрессъ долженъ обезпечить всякаго рода обязашельствами продолженіе общаго мира въ Европѣ. Но эшошь миръ не касается еще ни Неаполя, ни Сициліи. Оба правительсва, сущеснвующія въ тѣхъ земляхъ находятся въ войнѣ. — Еспшли сообщники Короля Іоакима хотяшь удержатъ Неаполь силою оружія, то сообщники Фердинанда имѣюшь неоспоримое право употребить съ своей стороны тѣже средства, чтобъ завладѣть онымъ. Скажемъ болѣе: каждой Неаполишанецъ, каждый Сициліецъ, имѣетъ право сражаться съ своимъ противникомъ; даже каждой Европеецъ имѣлъ бы право возобновить на семь шаирѣ подвиги древнихъ Норманцовъ.

Большія державы, союзныя однѣ съ Неаполемъ, другія съ Сициліею, имѣюшь неоспоримое право предупредить сію войну, пошому что онѣ должны участвоватъ въ оной. „Мы принужденны были бы сражаться за васъ между собою,“ могушь онѣ сказатъ Королю Іоакиму, „но вмѣсто того, чтобъ рѣшишь вашу участь оружіемъ, мы рѣшаемъ ее пракашомъ. Какъ частныя державы, мы гошовы хранишь наши обязашельсва; но какъ посредницы Европы мы объявляемъ вамъ общее желаніе, отъ кошораго не можемъ васъ освободить.“

Сіе новое поняшіе о дѣлѣ удалель и послѣдній доводъ сообщниковъ новой Неаполишан-

ской династии и предоставляешь Вѣнскому конгрессу полную свободу въ его разсужденіяхъ о семъ важномъ и единственномъ вопросѣ. Не наше дѣло угадывать рѣшенія сего Августейшаго собранія; но когда о дѣлѣ *Іоакима и Фердинанда* публично судятъ во всѣхъ сочиненіяхъ и всегда придерживаются личной выгоды, мы почли за полезное изслѣдовать утвердительные доводы, опредѣленно отъ частной полишкы, и имѣя въ виду единственно пользу Европы и человечества.

Изъ *Ambigu* — пер. П. Гв.

VI.

Размысленія по случаю перенесенія тѣла Лудовика XVI въ Аббатство Св. Діонисія.

(Изъ Journ. des Debats.)

Наступаетъ 21 число Января. Давно уже спрашиваемъ другъ у друга: что сдѣлаемъ мы въ сей день? что сдѣлаетъ Франція? неужели сей плачевный день вновь пройдетъ безъ всякаго изъявленія горести? Гдѣ прахъ Лудовика XVI? Чья рука сохранила его? Естьлибъ не благочестіе одного неизвѣснаго гражданина, то едва ли знали бы нынѣ, гдѣ покоятся святыя останки Короля, долженствовавшаго почивать въ Аббатствѣ Св. Діонисія подлѣ Лудовика XII и Карла Мудраго. Въ теченіе вѣсколькихъ лѣтъ хотѣли, чтобъ день смерти сего праведника былъ днемъ веселія; — но какъ обманывались нечестивцы! Они хотѣли сорвать печальный покровъ, одѣвавшій опчизну нашу, они уставляли въ насмѣшку празднество; — а граждане усугубляли изъявленіе своей горести; всякъ проливалъ слезы въ уединеніи, или въ тайнѣ приносилъ Богу очистительное служеніе. Тщетно немногіе изверги призывали народъ къ гнуснымъ зрѣлищамъ.

Всенародная горестъ, по видимому, говорила имъ: „Нѣтъ! Франція не виновна вмѣстѣ съ вами; она не участвуетъ ни въ пресупленіяхъ, ни въ празднествахъ вашихъ.“

Лудовикъ XVI, съ самаго начала царствованія своего, увичтожилъ шагостныя повинности, исправилъ разныя оспрасы пражленія, поднялъ на морѣ славу нашего оружія, и простеръ звукъ побѣды нашихъ до береговъ Индіи и Америки! Посреди бурь революціи, не смотря на ожесточеніе партій, всѣ столько увѣрены были въ его добродѣтеляхъ, что общимъ голосомъ нарекли его *гестившимъ гелодѣкомъ въ Королевствѣ* Прогорченного печалію, обремененнаго оскорбленіями, привезли его въ Парижъ, неся предъ нимъ головы его спражей, заключили въ оковы, предали всѣмъ терзаніямъ горести. Но недолжно довершать повѣствованія о ихъ бѣдствіяхъ предъ Королевскою фамилією. У насъ осталась сирота — и присущіе ея говорить намъ довольно! Свидѣтели и судьи, вы живы! Глаза ваши видѣли всенародныя происшествія; совѣсть сообщитъ вамъ тайныя подробности исторіи нашихъ несчастій.

Не дай Богъ, чтобы кто нибудь изъ насъ пожелалъ искать виновныхъ или возбуждать ненависть! Но если мы хотимъ слыть добродѣтельными, то должно осмѣлишься быть мужами. По примѣру древнихъ народовъ характеръ нашъ долженъ быть довольно мужественъ, для пренесенія собщвенныхъ нашихъ проступковъ. Болѣе раскаянія, не извлекаетъ никакой пользы изъ своихъ заблужденій. И такъ забудемъ преступника, и всегда спанемъ вспоминать о преступленіи. Есть люди, которые видя наши слезы, почтутъ обязанностію убѣгать сего зрѣлища; но неужели и сіе невинное мщеніе намъ не позволено? Неужели цѣлый народъ долженъ въ сердцѣ своемъ заглушать нравственность и религію, отказываться еще всякаго правосудія, подавать видъ, будто разсудкомъ своимъ оправдываетъ то, что сноситъ единственно по слабости

— и принуждать себя къ этому по той польско причинѣ, что есть люди, черные совѣстью, которые не починають Опечесства въ покоѣ, есшли они сами терзающся угрызеніями, и сей голосъ совѣсти вазывающъ воплемъ нашихъ крамоль?

У всѣхъ почти народовъ совершались великія преступленія, и вездѣ приносимы были примирительныя жертвы. Когда Атисъ погибъ въ Лжедемонѣ, желая, подобно Лудовику, дать народу своему лучшіе законы —, тогда, говоритъ Паушархъ, Спаршанскіе граждане признались, что съ самаго переселенія Доріанъ въ Шелопонесъ не было совершенно столь жестокаго, несчастнаго и гнуснаго преступления.“

По возснаноувленіи Карла II въ Англіи, воздвигнута была статуя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Карль I былъ обезглавленъ, и день кончины сего Короля сдѣлался днемъ поста и молитвы.

Но здѣсь ненужно подражать чужимъ народамъ: всѣ *хорошіе* примѣры могутъ быть найдены у насъ. Послѣ битвы при Поатъе, чины Лангедокскіе опредѣлили, чтобы въ теченіе года, доколѣ Король Іоаннъ не будетъ освобожденъ, никто изъ мужчинъ и женщинъ не носилъ на одеждѣ своей ни золота, ни серебра, ни жемчугу, и чтобы музыканшы не играли на своихъ инструментахъ.

Наши отцы были щасливѣе насъ: они могли предаться чистосердечной своей горести, лишь только ее почувствовали. И горестъ сія вскорѣ прекратилась: Король Іоаннъ возвратился изъ плѣна. Но знаки нашей печали будутъ вѣчны: Лудовикъ XVI не явится посреди насъ!

Радуемся тому, что совершится желанное нами, ожиданное всею Европою. Наша горестъ, спѣснявшаяся столь долгое время, возникнешъ изъ глубины нашей души. Король, такъ сказать, предупредилъ потребность нашихъ сердецъ: онъ удовлетворилъ благочестію народа, возвратилъ намъ понятія о нравственности и вѣрѣ — такъ какъ онъ мирною рукою ишоргъ насъ изъ подѣ

ига самовластія и возвратилъ подъ сѣнь древнихъ нашихъ законовъ.

21 Января *Графъ д'Артоа, Герцогъ Ангулемскій и Беррійскій* ошправашся на кладбище Св. Магдалины, принадлежащее нынѣ Г. Деклозо. Земля сія разсмошрѣна законнымъ порядкомъ. Мѣсто, въ кошоромъ покоишся Король, извѣстно; надѣются найти также прахъ Королевы. По случаю, достойному примѣчанія, Швейцары, умерщвленные 10 Августа, погребены у ногъ Лудовика XVI. Могила, въ которую бросено шѣло нашего Монарха, имѣетьдесять фузовъ въ глубину. Не хотѣли разрывать земли заранѣе. Ничто не должно быть сокрыто въ семь священнодѣйствіи: вся Франція видѣла кончину Короля; вся Франція должна видѣть появленіе въ шуже самую минушу бранныхъ его останковъ. Чшо почувствуюшь зришели, когда, по вскрытіи земли, являшся побѣлѣвшія кости Лудовика XVI. обезображенный трупъ его, глава отдѣленная и положенная у ногъ — примѣна, по кошорой должно узнать пошомка шоликихъ Царей! — Вообразише, какъ въ сіе грозное мгновеніе при Принца съ духовенствомъ бросяшся на колѣна, вѣра возгласишь пѣснь мира и славы — и мощи мученика вознесушся въ торжествѣ изъ нѣдра земнаго, дабы огньнѣ быль покровомъ нашего Отечества, и при своемъ предшательствѣ осынашъ всѣхъ Французовъ благословеніемъ Неба!

По открытіи священныхъ останковъ Короля и Королевы, шествіе ошправишся въ Аббатство Св. Діонисія. Нещасія Лудовика XVI соснавашъ все великолѣпіе сего погребальнаго шествія: скромность прилична торжеству шоликихъ добродѣтелей, а простиша величію шоликихъ злоключеній! Страсти челошечскія не должны нарушашъ пишины и величія сего обряда; всѣ признаки обвиненія будуть удалены. Ошець, находя могила свою, желаешъ, чшобъ дѣши его погребли въ ней свои раздоры и погрѣшности.

Шествіе отправишся шѣмъ пушемъ, копорымъ за боо лѣтъ предъ симъ несенъ былъ Св. Лудовикъ, первой предокъ Бурбоновъ. „ Архіепископъ Реймскій, говоришь Испорикъ Жуэвиль, поднялъ шѣло, а братель Іоаннь Сеймурскій произнесъ надгробное слово. Между прочими его дѣлами, упоминалъ онъ часно о великой справедливости добраго Короля, о которой я говорилъ ему. . . . По окончаніи проповѣди, присовокупляющъ лѣтописцы, Король (Филиппъ смѣлый) поднялъ на рамена шѣло ошца своего, и пошелъ пѣшкомъ прямо въ Аббатство Св. Діонисія во Франціи.“

Какое множество размысленій раждаешя при семъ случаѣ! Какое сравненіе происшествій времени, мѣста и погребальнаго шоржества Лудовика Святаго и Лудовика Мученика!

Шествіе отправишся въ церковь Апостола Франціи; но преемники духовныхъ ошцевъ, встрѣпившихъ съ хоругвію одръ Святаго Лудовика, не выйдуть на срѣшеніе попомку Святаго Короля. Въ сихъ подземельныхъ обителяхъ, гдѣ почивали усопшіе Короли и Принцы, въ сихъ мрачныхъ переходахъ, гдѣ ряды гробовъ были столь часты, что едва можно было найши мѣсто для погребенія Принцессы Генріеттшъ — Лудовикъ XVI будеть одинъ. . . . Какъ возспали сіи усопшіе? Почему Аббатство Св. Діонисія опушѣло? — Спросимъ лучше: почему возспановленъ кровъ его, почему олшаръ его вновь возвысился? Чья рука воздвигла сводъ сего подземелья и угосвила пущыя гробницы? Рука шото самаго челоука, копорый возсѣлъ на пронѣ Бурбоновъ. О Провидѣніе! думая, что готовишь могилы своему поколѣнію, онъ воздвигаль гробницу Лудовика XVI! Неправда царшвуешь недолго; одна лишь мудрость щипаешь предковъ и оставляешь по себѣ попомство. Возрише! Влашшелинь земли палъ посреди своихъ дерзостей, Лудовикъ XVIII образно пріялъ скипетръ, а Лудовикъ XVI обрѣлъ могилу ошцевъ своихъ. Санъ законныхъ Монарховъ *иснулъ* на двадцать лѣтъ,

но права ихъ, основанные на добродѣтеляхъ, были ненарушими подобно ихъ благородству. Богъ однимъ ударомъ прекратилъ сію ужасную революцію, и Короли Франціи получили обратно и шронъ и могилу свою.

Въ то самое время, когда бранные останки Лудовика XVI и Маріи Антоніи отправятся въ Аббатство Св. Діонисія, положено будетъ первое основаніе монументу, копорый долженъ возвыситься на площади Лудовика XV.

На семь монументъ изображенъ Лудовикъ XVI оставляющій землю и возлетающій къ вѣчному своему жилищу. Ангель поддерживаетъ и ведетъ его, произнося по видимому сіи вдохновенныя слова: *Сынъ Святаго Лудовика! вознесись на небо!* На одной сторонѣ подножія видно будетъ погрудное изваяніе Королевы съ подписью словъ, достойныхъ супруги Лудовика XVI: *я все знала, все видѣла и все забыла!* На другой сторонѣ подножія подъ изображеніемъ Принцессы *Елисаветы*, начертаны будутъ величественныя слова: *не выводите ихъ изъ заблужденія*, произнесенныя ею 20 Іюня, когда убійцы почли ее Королевою. На третьей сторонѣ начертано будетъ духовное завѣщаніе Лудовика XVI, въ копоромъ большими буквами ошличены будутъ Евангельскія слова: *Прощаю отъ всего сердца тѣмъ, которые сдѣлались моими врагами.*

На четвертой сторонѣ изсѣченъ будетъ гербъ Франціи съ надписью: *Лудовикъ XVIII Лудовику XVI.* Французы безъ сомнѣнія будутъ просить о чести присоединить къ имени Лудовика XVIII имя Франціи, которая никогда не можетъ быть отдѣлена отъ своего Короля.

Сей памятникъ будетъ возбуждать умиленіе и восторгъ. Печальный олшаръ посреди площади Лудовика XV не былъ бы приличенъ ни въ какомъ отношеніи. Сія площадь спойшетъ на дорогѣ, по копорой народъ спремится полпою къ увеселеніямъ и удовлетворенію своего шщеславія. Въ развлеченіи, свойственномъ сла-

бости нашихъ сердець, звуки веселія слишкомъ часно оскорбляли бы памятникъ горести. Нѣтъ никакой Французъ не будетъ принужденъ отвращать шаги или взоры свои ошь предполагаемаго памятника. Одни найдуть въ завѣщаніи Людовика XVI начало и утвержденіе нашей харшій, освобождающей ихъ ошь всякихъ изысканій. Въ другихъ возбуждятся воспоминанія, кошорыя, потерявъ ошь времени всю горесть, оставляютъ во глубинѣ души одно священное умиленіе. Король, кошорый доннѣ не смѣлъ пройти по *кровавому поприщу*, со временемъ можешь бывъ, посѣтишь оное, естли не безъ горести, шо безъ ужаса; между шѣмъ какъ судья Людовика XVI, подъ покровомъ памятника милосердія, можешь пройти по сему мѣсту, естли не безъ угрызеній совѣсти, шо, по крайней мѣрѣ, безъ боязни. Словомъ сей очиспительный памятникъ сдѣлаешся для всѣхъ Французовъ источникомъ утѣшенія: дѣши наши со временемъ почерпнуть близъ него шѣ важные уроки и шѣ полезныя мысли, кошорыя во всякое время образуютъ великія націи и великихъ мужей.

Не одинъ сей памятникъ будетъ посвященъ нещасію и раскаянію. На кладбищѣ Св. Магдалины построена будетъ церковь. Со стороны улицы Анжуйской она будетъ имѣть видъ древней гробницы. Входъ въ нее будетъ съ другой улицы. Для прикрытія всѣхъ могилъ, зданіе сіе будетъ простираться по всему кладбищу въ видѣ Латинскаго креста и освѣщаемо сводомъ, чрезъ кошорой будетъ проникать свѣтъ шусклый, священный. Во всѣхъ частяхъ сего памятника поставлены будутъ олшари, гдѣ всякъ можешь оплакивать мать, брата, супругу, всѣхъ друзей своихъ, принесенныхъ въ жертву, кошорыя покоились въ печеніе 20 лѣтъ на семь оставленномъ кладбищѣ подлѣ своего Государя: тамъ преимущественно будутъ чшиться память Г. *Мальзерба*. Насъ извиняшъ, надѣмся, что мы присоединяемъ имя подданнаго къ памяти Ко-

роля. Смерть, несчастіе, добродѣтель сближають состоянія.

Король учредитъ при сей церкви безпрестанное богослуженіе. Два священника будутъ имѣть смолъніе за лампадами и олшарями. Въ Аббатствѣ Св. Діонисія другое, важнѣйшее заведеніе будетъ учреждено именемъ Лудовика XVI въ пользу дряхлыхъ Епископовъ и священниковъ, которые послѣ долговременной службы, будутъ шамъ отдыхать отъ благочестивыхъ своихъ трудовъ. Они заспуяшъ мѣсто священнаго ордена, который охранялъ прахъ нашихъ Королей. Сіи старцы, лѣшами, саомъ и прудами сдѣлаюшя естественными охранителями приюта усопшихъ, въ который они сами сойши готовяшя. Предполагается возвратитъ въ сіе Аббатство гробницы, украшавшія оное, подлѣ которыхъ Сюжеръ заспавлялъ писать нашу Исторію, въ присутствіи смерти и истины.

Когда подумаемъ, что Государь, освятившій права нашей свободы, Государь, безъ пролитія одной капли крови возвратившій спокойствіе Франціи, самую великодушную полишикою защищающій, извнѣ права несчастныхъ Монарховъ, что сей же самый Государь великимъ примѣромъ своимъ преподаетъ намъ благочестіе — тогда можемъ ли довольно благословлять главу его? Кшо не видишь, что вѣки помѣстятъ его въ число лучшихъ и величайшихъ Королей его поколѣнія?

Во время сего печальнаго обряда, Герцогиня Ангулемская, удалитя въ *Сенъ-Клу*. Мы сказали уже, что Принцы будутъ провожать прахъ Лудовика XVI въ Аббатство Св. Діонисія. Одинъ Король останется въ Парижѣ сообщитъ горестъ свою народу, ушѣнитъ насъ, пролибающихъ слезы, и усладитъ присутствіемъ своимъ печальныя наши воспоминанія.

Шатобрианъ.

VII.
С М Ъ С Ъ.

I.

Письмо къ Издателю.

Увидѣвъ изъ послѣдней книжки *Сына Отечества*, что собраніе каррикатуръ покойнаго нашего Гогарта продается у васъ въ пользу бѣдной его вдовы и дѣшей, препровождаю при семъ къ вамъ для какогоже употребленія сто экземпляровъ *Басень моихъ* и *Сказокъ*. Это послѣдніе экземпляры; въ книжныхъ лавкахъ остается ихъ весьма мало и съ нынѣшняго времени продажа ихъ тамъ, по комиссіи отъ меня, прекратится. Я надѣюсь, что прежде, нежели вздумаю приступить ко второму изданію моихъ бездѣлокъ, сіи сто книжекъ могутъ у васъ разойтись. Сердечно сожалею, что состояніе мое не позволяеть мнѣ сдѣлать важнѣйшаго пособія несчастному семейству любимаго всѣми артиста, котораго оспроумныя и единственныя у насъ въ своемъ родѣ произведенія дойдуть безъ сомнѣнія до потомковъ нашихъ вмѣстѣ съ незабвенными происшествіями послѣдней войны съ Наполеономъ.

А. Измайловъ.

[3 Февраля 1815.

Издатель С. О. принимая на себя съ удовольствіемъ сіе порученіе, уведомляетъ желающихъ покупкою сей книги, сдѣлать добро бѣдному семейству достойнаго Рускаго Художника, *Теребенева*, что сіи *Басни* и *Сказки* можно получать въ кварширъ его по 2 р. 50 коп. экз. въ бумажкѣ, а съ пересылкою на города по 3 р.

2.

ИЗЪ РАЗНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Новое изобрѣшеніе

Галванитескій или электритескій маетникъ.

Въ засѣданіи *Минхенской* Королевской Академіи Наукъ, Господинъ *Ассалинъ* изъ *Милана*,

Корреспондентъ сей Академіи, показывалъ электрическій столпъ Профессора *Замбони*, находящагося въ *Кремонѣ*.

Онъ состоить изъ 200 кружковъ, вырѣзанныхъ изъ неклееной посеребряной бумаги, которая на споронѣ необложенной мешалломъ, покрывается смѣсью изъ марганцовой окиси и меда; кружки сіи полагаются одинъ поверхъ другаго въ стеклянную трубку, покрывшую съ обѣихъ споронъ сургучемъ. Сей столпъ снабжается внизу подножіемъ а вверху пуговкою изъ желшой мѣди или другаго мешалла и съ обѣихъ концовъ приводится въ соединеніе съ проволокою, прикасающеюся къ ближайшему кружку. Такой столпъ показываетъ весьма сильныя электрическія явленія, но не даетъ искръ и не обнаруживаетъ ни какихъ Химическихъ дѣйствій. Понинѣ извѣстны уже многіе электрическіе столпы, и въ семъ отношеніи описываемый нами имѣетъ только по достоинству, что онъ составленъ изъ веществъ, которыя до сего не были къ тому употребляемы: но слѣдующее употребленіе его совершенно ново и весьма любопытно.

Господинъ *Замбони*, изготовивъ два электрическія столпа совершенно сходныхъ между собою, отдалилъ ихъ одинъ отъ другаго на 4 или на 5 дюймовъ, и уставилъ между обоими иглу, длиною въ половину прошивъ столповъ; игла сія на срединѣ просверлена и движется свободно на тонкихъ осяхъ, укрѣпленныхъ на подобіе шпѣлокъ, посредствомъ которыхъ опредѣляется наклоненіе машина. Игла сія присягивается попеременно однимъ и другимъ столпомъ, а какъ дѣйствіе сіе продолжается непрерывно, то и движеніе не перестаетъ.

Изобрѣшатель сего электрическаго прибора, имѣетъ такую иглу, которая уже два года качается одинакимъ образомъ и съ равною силою. Употребленіе сего электрическаго столпа, можетъ быть, послужитъ къ почтнѣйшему опредѣленію *Атмосфернаго Электричества*, и

потому Академія поручила Механику своему Господину *Рамису*, изготѣвить весь приборъ, который понынь совершенно соотвѣствуетъ своему предположенію.

Hermbst. Musäum.

Всѣмъ извѣстно священное Буспановленіе *присяжныхъ* при рѣшеніи уголовныхъ пѣябъ въ Англіи. Во Франціи приняшо также сіе заведеніе; только, какъ кажеться, не приносишь *благотворныхъ* плодовъ, какъ въ Англіи. — Въ началѣ сего года производилось въ Парижской уголовной Палатѣ (*Cour d'assises*) дѣло слѣдующаго содержанія. Приврашникъ *Бенаръ*, служившій съ женою своею, у больной дѣвицы *ле-Шанцанъ*, содержательницы одной Парижской гостиницы, сдѣлалъ покушеніе на жизнь ея; билъ ее деревяннымъ молошкомъ по головѣ до того, что она лишилась чувствъ. Свидѣтелей припомъ не было. Пришедъ въ себя, дѣвица *ле-Шанцанъ* крикомъ своимъ созвала сосѣдей, которые всѣ видѣли, что *Бенаръ* принуждалъ ее *обратно* войти въ комнату, *прося не погубить его*. — Началось уголовное дѣло. Дѣвица *ле-Шанцанъ* объявляетъ, что *Бенаръ* нанесъ ей раны; всѣ улики говорятъ прошивъ него, а онъ заираеться. Дѣло отдано на разрѣшеніе присяжнымъ, которые, признавъ *Бенара виновнымъ въ умышленноиъ покушеніи на убійство*, оправдали его потому, что преступленіе не достигло цѣли своей по собственной *волѣ Бенара* *) Президентъ объявилъ обвиненнаго правымъ, и его освободили изъ подъ спражи. Между тѣмъ дѣвица *ле-Шанцанъ* опасно больна отъ ранъ, нанесенныхъ ей симъ человекомъ, котораго она осыпала благодареніями, и которому завѣщала по смерти своей важную сумму. — Судебная власть во Франціи не зависить отъ Правительства. — Въ *Journal de Paris* сказано по сему

*) Le crime a manqué son effet et a été suspendu par la volonté du dit Besnard. —

случаю: „Горе, спокрашъ горе тому, кто дерзнетъ малѣйшимъ образомъ оуждашь учрежденіе присяжныхъ, самое благородное, самое свободное, самое благодѣтельное изъ всѣхъ судебныхъ устанавленій; но можно ли освободиться отъ мысли, что оправданный нынѣ Бенаръ увидишь погребеніе той, кою рукой его *цѣльшенно* нанесла смерть?“

Полицейской судъ Парижскій утвердилъ въ дѣлѣ *Меге де ла-Туша* мнѣніе адвокатовъ: ошвѣпчикъ *Гефье* освобожденъ отъ всякаго взысканія а ищецъ *Меге* обязанъ заплашить судебныя издержки.

Въ Парижѣ напечатана: *Исторія тайныхъ обществъ, бывшихъ при арміи, и воинскихъ заговоровъ, имѣвшихъ цѣлю разрушеніе Бонапартова правленія*. Сіе швореніе, самое любопытное изъ всѣхъ, произведенныхъ нынѣшними обшпояшельствами, заключаешъ въ себѣ важныя подробности заговора, кошорому не найдемъ подобнаго въ лѣтописяхъ всѣхъ Государствъ. Въ самомъ дѣлѣ прудно повѣришь, что въ шеченіе 16 лѣтъ существовалъ заговоръ десяти тысячъ чел., и не былъ опкрытъ никому измѣною. Между шѣмъ все это явсшвуешъ изъ сей шпранной книги. Въ ней находимъ *одно возможное* толкованіе дѣламъ *Моро* и *Маллеша*. Видно, что *Авшоръ* шпѣсненъ былъ наблюденіемъ нѣкоторыхъ шпайнствъ, и что могъ сообщитъ шолько то, что принадлежишь къ историческому и видимому вліянію общештва, но все, имъ упоминаемое, весьма любопытно. Мы вскорѣ сообщимъ подробное извѣстіе о сей книгѣ. *)

J. des Déb.

(4 Феврала.)

*) Мы шакже сообщимъ оное *Чишателямъ*, ештли найдемъ, что оно дѣйшпвительно заслуживаешъ ихъ вниманіе.